

Часть 1

В тот день он уже слышал об этом.

После того, как большая Сёко позвала его на свидание, Рио рассказала Сакуте теорию о подростковом синдроме маленькой Сёко – такую, в которую даже ей было трудно поверить.

Разговор состоялся три часа назад...

...в классе после экзаменов.

— Похоже, она здесь из будущего, — на полном серьёзе сказала Рио Футаба.

Он этого никак не ожидал.

— А? — только и смог выдать Сакута.

Это не похоже на приятный сюрприз. Не в состоянии переварить услышанное, он лишь что-то промычал.

— Технически, она, скорее всего, та версия Сёко, которая дожила до этого будущего.

И все равно яснее не стало. До него не доходила даже главная мысль.

Рио сказала... будущее. Прежде всего надо было разобраться со значением этого слова. По крайней мере, Рио явно подразумевала под будущим что-то нестандартное.

— Это то же будущее, о котором знаю я? В смысле, которое произойдет через год или два?

Он надеялся на отрицательный ответ. Обратное бы означало ввязаться во всякую чушь с путешествиями во времени. Неизвестно, почувствовала ли Рио его опасения, но она лишь невозмутимо кивнула.

— Да, это оно, — ответила девушка.

— Ох, — отреагировал он, будто понял. Однако, если Сакута запутается еще в самом начале, то уже никогда не поймет, что она хочет сказать. — Э-э-э, как так?

Компания хохочущих девушек неспешно вывалилась в коридор. Все остальные уже ушли, и класс 2-1 пустовал. Лишь Сакута и Рио...

— Ты говорила, перемещения в прошлое не проходят гладко.

— Не ожидала, что ты помнишь.

Она прочитала ему лекцию, когда Сакута столкнулся с подростковым синдромом Томоэ Коги. Сакута раз за разом проживал один и тот же день, и Рио рассказала ему о демоне Лапласа.

— Поэтому я и уточнила. Она не из будущего, но переместилась в него.

— Значит... как и маленький демон, она — имитация будущего?

— Для такого нужен точный расчет грядущих событий с полным пониманием скорости и расположения всей материи во вселенной, поэтому здесь это не подходит. Так не объяснишь, почему мы видим две Сёко.

— То есть...

— Тебе знаком эффект Урасимы?

— Я знаю легенду Урасима Таро.

— Если бы ты ее не знал, я бы вообще ничего не объяснять не стала.

— Можно ли родиться в Японии, дорасти до наших лет и не слышать ее?

Если и да, то ему бы хотелось встретиться с этим человеком. И спросить, что у него за странная жизнь такая.

— И в чем там суть?

— Урасима спасает черепаху, и она отвозит его в Дворец дракона. Через несколько дней он возвращается на сушу и узнает, что прошли целые десятилетия. Затем герой открывает украшенную коробочку и становится стариком.

— Итак, главная мысль: несколько дней во дворце обернулись десяткам лет на суше. В физике есть теория, объясняющая это.

— Кому могло такое прийти в голову?

— Эйнштейну.

— И как его угораздило прочитать историю об Урасиме Таро?

Гении точно видят мир иначе.

— Он вдохновлялся не этой легендой. Ну даже ты знаешь о специальной теории относительности, да? Ее проходят на третьем году.

— Э, правда? Seriously?

Пугающее открытие.

— Не всю, но о части написано в учебнике.

— Не хочу переходить на третий год...

— Остаться на второй год в государственной школе такая себе участь.

— Я не это имел в виду...

Сакута думал, скорее, о чем-то в духе Нетландии*. Но о чем бы он ни мечтал, Рио двинулась дальше.

[П/КС: Нетландия/Неверленд - вымышленное место, в котором происходит действие произведений Джеймса Барри о Питере Пэне и работ, основанных на них.]

— Согласно специальной теории относительности, чем быстрее движется материя, тем медленнее идет время.

— ...Не вижу смысла.

— Это показал эксперимент с двумя сверхточными атомными часами...

Рио вынула из кармана две карамельки: синюю и красную. Наверное, со вкусом крем-сода и абрикоса.

— Одни часы остались на начальной позиции.

Она положила синюю конфетку на стол.

— А другие - поместили на самолет, который облетел Землю.

Рио провела красной карамелькой вокруг стола и закончила ее полет у синей. Очевидно, каждая карамелька исполняла роль «сверхточных атомных часов».

— Что, ты думаешь, произошло?

— Ну, если то, что ты сказала до этого, правда, то, поскольку самолет быстрее, время замедлилось? — сказал он, показывая на красную конфету.

— Да. Замедлилось на 59 наносекунд.

— Сколько это в секундах?

— Наносекунда равняется одной миллиардной секунды, то есть $59 \times 1\,000\,000\,000$.

— Вполне в пределах погрешности...

Совсем неощутимая для человека разница.

— Именно поэтому ученые взяли «сверхточные» часы. Несоответствие в 59 наносекунд совпадало с решением Эйнштейна.

— Чем надо питаться, чтобы так думать?

Сакута летал на самолетах и ездил на синкансэне, но никогда не задумывался, что ход времени мог измениться. Ни разу в жизни его подобные мысли не посещали.

— Не знаю, но теория подтверждает, что время относительно, а не абсолютно.

— Я не понимаю. Давай скажем, что секунда - это секунда, пока у меня голова не заболела.

— Азусагава, что есть секунда?

— Ну, Земля оборачивается вокруг себя за 24 часа, один час делится на 60 минут, а минута - на 60 секунд.

— Это определение уже век как устарело.

— Чего?

— Сейчас считается, что секунда – это интервал времени, равный 9 192 631 770 периодам излучения, соответствующего переходу между двумя сверхтонкими уровнями основного состояния атома цезия-133.

— Повтори-ка?

— Секунда – это интервал времени, равный 9 192 631 770 периодам излучения, соответствующего переходу между двумя сверхтонкими уровнями основного состояния атома цезия-133.

И во второй раз он тоже ничего не понял. Куда проще было запомнить коды на возрождение из старых видеоигр.

— ...Давай вернемся к делу. Итак, Сёко прибыла из будущего... или переместилась в него? Как это возможно?

Рио положила конфеты обратно в карман. Затем посмотрела в окно. Там виднелись воды пляжа Шичиригахамы. День был ясный, и солнце поблескивало на воде.

— Если бы ты услышал, что не переживешь старшую школу, то что бы ты сделал? — спросила она, внезапно оставив физику.

— Э-э-э... Не уверен, что смогу ответить, не испытав такого в реальности.

Она явно говорила о душевном состоянии Сёко. Именно поэтому и он не хотел отвечать прямо. Но он и не увиливал: Сакута искренне считал, что такое можно узнать, лишь ощутив на себе.

— Тогда подумай, что бы ты сделал?

Похоже, Рио решила добиться его ответа любой ценой.

— Макинохара сказала, что хотела бы, чтобы родители увидели ее взрослой.

Ему вспомнилось, как она с безудержной улыбкой сидела на больничной койке.

— Верно.

— Я бы не думал о таком. Меня бы слишком заботили свои проблемы, чтобы хотеть вырасти. Я бы лучше остался ребенком. Старшеклассником. Пожелал бы, чтобы мое время остановилось.

— Наверняка у Сёко ощущения схожи.

— Почему ты так думаешь?

— Недавно я приходила к ней, тебя не было. Наверное, поэтому она позволила себе дать слабину. Сёко сказала: «Надеюсь, мое тело перестанет расти».

— ...

— Должно быть, из-за этого ощущения она и не может доделать «Расписание будущего».

— ...Похоже на то.

Такова правда жизни. Невозможно всегда сохранять позитивный настрой. Хвататься за надежду. Порой тревоги и беспокойства все-таки тянут вниз. И Сёко не была исключением. Не могла же она жить, ежесекундно устремив взгляд в светлое будущее.

Видимо, одинокими больничными ночами она задумывается о том, что случится, если донора не найдут. Что, если она не протянет до этого часа. Конечно, ей было страшно. Сёко вполне могла пожелать больше не расти. Пожелать, чтобы завтра не наступило. Такие мысли совершенно естественны.

— Одна часть Сёко хочет вырасти, а другая надеется навсегда остаться ребенком. И последняя из них... Кажется, ее страх породил старшую Сёко.

— Хм-м-м? Разве не более вероятно, что причина кроется в части, полной надежд?

— Нет нужды торопить будущее, если ты твердо в нем уверен.

— Логично.

Рио попала в яблочко.

— Что снова наводит нас на тему времени.

— И как это связано?

— Та часть Сёко, что расти не хочет, отчаянно пытается остановить ее внутренние часы. Она избегает будущее, прячется в попытке остановить себя.

— ...Полная стагнация.

— И что, если от этого мир, который видит она, и правда замедляется, то есть для нее он как в слоумо? И что произойдет относительно нашего мира, где находится Сёко, желающая вырасти?

— Ладно, Футаба, притормози.

Он наконец-то понял, к чему она клонит. Время идет медленнее, если двигаться быстрее. Это она и объясняла. Однако прежде, чем они продолжат, он хотел разобраться с огромным вопросом, который не давал ему покоя.

— Ты утверждаешь, что существует два мира?

— Это я и имею в виду, да.

— У тебя это звучит просто.

Он почти посмеялся.

— Я полагала, что до тебя дойдет без дополнительных пояснений с моей стороны.

— Ты слишком хорошего обо мне мнения.

— Ладно...

Рио вновь достала из кармана две конфетки и положила на стол. В этот раз одна была фиолетовой, а другая – зеленой. Должно быть, со вкусом винограда и муската.

— Пусть фиолетовая конфета – это Сёко, которая хочет вырасти, и наш мир в нормальном темпе. Зеленая же – Сёко, что расти не хочет, и мир в слоумо.

— А нормально, что миров много?

— Как посмотреть, но потенциально они бесконечны.

— Серьезно?

— Не факт, что мир твоими глазами и моими – один и тот же. В понятиях микромира... помнишь, я рассказывала, что положение молекул переходит из вероятности в определенность

через наблюдение?

— Ох, квантовая физика. Моя любимая.

Мысль о том, что нечто может существовать в состоянии вероятности до той поры, как за ним начнут наблюдать, казалась магией. Но, очевидно, была правдой. Подумав о своем теле в рамках этого, Сакута испугался, что исчезает. Хотя, разумеется, это было не так.

— При достаточном несоответствии скорости фиолетового и зеленого миров, как будет выглядеть замедленный зеленый мир с позиции ускоренного фиолетового?

На этом этапе лекции ответ лежал на поверхности.

— Будто бы в зеленом мире время идет быстрее.

— Да. Другими словами, чем быстрее летит время для Сёко, которая противится росту, — по сути, это Сёко-старшая, — тем больше она опережает нас во времени.

— Начало доходить.

Он наконец-то понял, что Рио имела в виду.

— Вот это ирония.

Она так сильно старалась не расти, что как-то очутилась в будущем... Большой иронии не бывает.

— Ага.

— Так почему взрослая Сёко из зеленого мира сейчас здесь, в фиолетовом?

— В ходе объяснения я разместила миры рядом, но вероятностная трактовка предполагает, что они пересекаются.

— Пересекаются?

— Нужно ли говорить, что другой мир находится рядом с нами, но мы его не видим?

— ...Отчасти да, отчасти нет.

Он посмотрел на пустое кресло возле себя. Рио сказала, что другой мир существует, просто мы его не видим, не можем потрогать или воспринять как-то по-другому.

— Как правило, нам доступен только один из двух миров, но волей судьбы или случая мы осознали существование другой Сёко. Таково текущее положение дел.

Это он тоже вроде понял, а вроде нет. Однако Сакута не особо видел смысл разбираться в основных принципах. Его интересовало то, что из них вытекает.

— И другой вопрос...

— Что?

— Если Сёко дожила до будущего, разве тревога, из-за которой возник подростковый синдром, не исчезнет? В смысле, она же знает, что будет старшеклассницей. И студенткой.

Если источник тревоги уйдет, то и подростковый синдром разрешится. А значит, и большой Сёко больше незачем здесь быть.

— Не уверена. Тревога не приходит на день или два и к тому же, если из-за нее случился подростковый синдром Сёко, а сама она не знает о большой, то можно утверждать: маленькая Сёко не знает, что большая дожила до будущего.

— Действительно. Но не исправим ли мы положение, рассказав ей об этом?

Безопасное будущее. То, чего маленькая Сёко желала больше всего. Билет в будущее, чтобы развеять страхи.

— Теоретически.

Тем не менее им следовало кое-что проверить, прежде чем отдавать ей этот билет.

— Как, по-твоему, подтвердить эту гипотезу?

Пока это было лишь предположение Рио. Весомых доказательств у них не было.

Если и существовали факты, способные развеять сомнения, то о них знала только большая Сёко. Но почему-то она до сих пор об этом молчала. Даже если спросить напрямую, что она скрывает, вряд ли Сёко сразу все выложит.

Раз она прятала от них что-то настолько важное, то это наверняка было не просто так.

— Азусагава, найди предлог заглянуть ей под блузку.

— Хн-г-г?

Так он отреагировал на внезапный кульбит Рио. Из всех возможных идей она выбрала именно эту?

— Если Сёко и правда - будущее маленькой Сёко, то там ты найдешь доказательство.

С абсолютно серьезным видом Рио провела у себя между грудей вертикальную черту.

— Шрам от операции.

— ...

Только так у Сёко был шанс на жизнь. Пересадка сердца. Без этого ей не дожить до старшей школы, не говоря уже о вузе. Если она жива, значит, ей, вероятно, сделали операцию.

— В «Расписание будущего» о пересадке ничего не написано, да и маленькая Сёко не говорила, что хотела бы это включить... Поэтому, если шрам на месте, то дело закрыто. Старшая Сёко - это не мечта маленькой, а ее самое настоящее будущее.

— Но даже если твоя логика верна, то все равно смотреть должна ты.

— Почему?

— Ты девушка.

— Но у тебя куда больший интерес заглядывать девушкам в декольте.

— Вопрос сложности.

Когда парень делает то, что позволено девушкам, это может походить на преступление.

— К тому же, мне кажется, тебе лучше это увидеть самому, Азусагава.

— ...

— Ты точно из тех, кому надо увидеть, чтобы поверить.

Рио была неумолима и вела себя так, будто разговор окончен. Не самый железобетонный аргумент в жизни Сакуты, но звучало правдоподобно. Рио хорошо знала Сакуту. Однако он бы хотел, чтобы она знала и то, что он верил каждому ее слову даже без предварительной проверки.

— Ладно, хорошо. Ну и под каким предлогом девушка разрешит посмотреть на грудь?

— Может, после ванны?

— Она выходит уже в пижаме.

Сёко одевалась довольно консервативно. Он никогда не видел ее даже в одежде с коротким рукавом.

Вдруг она намеренно не показывала тело. Наверное, это преувеличение, но...

— Тогда, может, установить скрытую камеру у тебя в ванной?

Ему показалось или она уже глядела на него презрительно?

— Что бы ты сделала, вытвори я б такое?

— Позвонила бы в полицию.

— Так зачем предлагаешь?

— Другой вариант: приударить за Сёко, соблазнить и раздеть. В смысле, ты же любишь ее, да?

Разговор свернул не туда. О чем по ее взгляду и можно было судить, так это о том, что она явно испытывала Сакуту.

Отведет глаза, и ему крышка.

Если совет, она прижмет его с чем похуже.

Поэтому Сакута решил признаться.

— Я ее люблю, — ответил он.

— Как человека? — усмехнулась Рио.

Ему бы хотелось, чтобы она так не отрезала его пути отхода, но он и не хотел из-за нее опешить.

— Как женщину, — произнес он, решая проглотить наживку.

Его первая любовь, может, и не увенчалась успехом, но это не повлияло на его отношение к Сёко. Когда он добрался до Минегахары, а ее там не оказалось, его чувства не нашли выхода и через какое-то время улеглись. Вот и все. Они никуда не делись, не испарились по волшебству. А когда Сёко опять была на расстоянии вытянутой руки, чувства к ней вновь начали закипать. И он точно знал, как они называются.

— Это весьма в твоём духе, Азусагава. Понимаю, почему Сакурадзима беспокоится.

— Уверен, Май читает меня, как открытую книгу.

Отмахнись он от своих чувств к Сёко, Май бы его возненавидела. Она знала, какую поддержку Сёко оказывала Сакуте, и малейший знак того, что он этого не понимает, вызвал бы ее презрение.

Но это не означало, что Май была готова принять ситуацию с эмоциональной стороны.

Несомненно, внутри у нее был конфликт. Вот, что случается, когда чувства и логика противоречат друг другу. Сакута не считал, что есть верная сторона. Единственный вариант – попробовать найти что-то между, не переходя ни на одну из сторон. Порой сохранять равновесие было единственно верным решением.

— Еще, наверное, это к делу не относится, но...

— Хм?

— Если Сёко и правда – будущая маленькая Сёко, то это, пожалуй, объясняет, почему они такие разные.

— Кажется, пересаженное сердце влияет на жизненные убеждения.

Свеча жизни Сёко чуть не угасла, но операция ее значительно продлила. Такие свечи были у всех, и она не знала, как долго им суждено гореть. Она была вне себя от счастья, но в то же время потерялась. Логично, если это полностью изменило ее мышление и взгляды. Было бы намного страннее, не изменись она ни на йоту.

— По телеку иногда показывают истории о людях, к которым после пересадки сердца якобы перешли обрывки воспоминаний доноров и их черты характера. Ученые и правда нашли в органах клетки, хранящие воспоминания.

— Значит, то, что она намеренно игнорирует намеки, перешло от донора?

— Как вариант. Более разумно предположить, что, как ты и сказал, жизненно важные операции, вероятно, меняют взгляд на жизнь.

Эта мысль была лишь еще одним возможным объяснением. Дав это понять, Рио взглянула на часы, висевшие в классе. Через десять минут у Сакуты встреча с Сёко. Одному Богу известно, как она заставит его просить извинений, если он опоздает. Лучше поторопиться.

— Обсуждать это не будем, но Сёко, скорее всего, что-то скрывает.

— Знаю. Если она действительно из будущего, то Макинохара будет жить... И мы знаем, как уладить ее подростковый синдром.

Однако Сёко притворялась, что ничего не знает, и дала совсем другое объяснение. Она соврала. Им прямо в лицо. И глазом не моргнула.

— Наверное, если смотреть в позитивном ключе, то, как в романах о перемещениях во времени, она могла испугаться, что ты изменишь будущее.

— Но, учитывая ее характер, она могла просто приколоться.

— Точно, — кивнула Рио. Ее явно не устроило такое объяснение, но на обсуждение уже времени не было.

Он снова посмотрел на часы. Осталось всего семь минут.

Сакута схватил рюкзак и направился к двери.

Пожалуй, он выяснит это у самой Сёко.

Часть 2

Они шли по безлюдному пляжу вдвоем.

Их следы тянулись вдоль воды по песку.

Сакута и Сёко покинули свадебный зал и спустились к пляжу Морито. Прийти сюда не было чьей-то идеей: ноги сами принесли их к воде.

— ...

— ...

Когда беседа сошла на нет, тишину заполнил шум прибоя.

Волны звучали нежнее, чем на Шичиригахаме. Тот же океан, но с другого края.

— А Футабэ не промах, — сказала наконец Сёко. — Я не думала, что оставила столько зацепок.

— Один неверный шаг, и она ставит под вопрос каждое утверждение.

Если уравнение не складывается как надо, она начинает думать, в чем проблема. Затем перепроверяет все в поисках ошибки. Рио когда-то говорила: ее мозг проворачивает это и без ее сознательного участия. Только так ей становилось спокойно.

— Она потрясающая.

— Знаю, знаю.

— Это не тебе комплимент, Сакута.

— Мы с Футабэй дружим всю жизнь, — ответил он, выпячивая грудь.

Сёко закатила глаза и фыркнула.

— ...

— ...

— Эм, Сакута... — сказала она и запнулась. Он заметил в ее глазах легкое беспокойство. — Ты злишься?

— Не особо, — ответил он, смотря прямо перед собой.

— Но ты уже несколько минут на меня не смотришь.

— Я просто...

Он хотел выдержать ровный тон, но голос предательски дрогнул. У носа жгло теплом, и он не мог выдать ни слова. Внутри закипали чувства, готовые с запозданием выйти из берегов.

Пытаясь их удержать, он снова заговорил.

— Я просто... — начал он, но голос перешел в писк, неспособный вообще что-то скрыть. Он намок от невидимых слез. — ...Я просто чувствую облегчение.

У глаз становилось все горячее, поэтому он остановился и повернулся к Сёко. Она тоже остановилась и посмотрела на него.

Сёко была здесь, рядом с ним. Ее длинные волосы трепал бриз, и она придерживала их бледной рукой. Казалось, ветер ее слегка раздражал, но в уголках рта чуть виднелась улыбка, а глаза лучились нежностью. Сакута старался не разрыдаться, и она тихо смотрела на него.

— Макинохаре сделают нужную операцию, да?

Сёко была из будущего. Она – будущее маленькой Сёко.

— Да, — кивнула Сёко.

— Она поступит в старшую школу.

— Вы встретились два года назад.

— И в универ... Она станет взрослой.

— По-твоему, я выгляжу, как ученица средней школы?

— Если бы девочка в средней школе выглядела так же взросло, об этом бы написали в газетах.

— Ты не мог просто сказать, какой я выросла красавицей, и остановиться на этом? — надулась она.

— Я просто... очень рад.

Напряжение, за счет которого он держался, внезапно ушло, и силы его покинули. Сакута присел на корточки. Сёко становилось хуже, и это отразилось на нем больше, чем он

предполагал. Страх рассеялся и с ним ушла земля из-под ног.

— Сакута? — Сёко наклонилась узнать, что с ним.

— Какое облегчение, — снова повторил он.

У него не было сил стоять, и это его смешило.

Он не заметил, насколько им овладела тревога. Наверное, что-то в нем уже начало терять надежду.

Не к добру.

Зерно сомнения, посаженное в тот день, проростало больше и больше каждый раз, как он говорил себе, что все будет хорошо. Оно пускало корни ему в душу и пронзало стеблем все его тело.

— Со временем все разрешится.

— ...

Он взглянул вверх: его обьяла улыбка Сёко, теплая, как лучи солнца.

— Болезнь маленькой меня.

— ...

— И подростковый синдром маленькой меня.

Сёко говорила медленно, отделяя каждое слово.

— Все уладится к Рождеству.

— То есть...

Сёко положила руки себе на грудь.

— Маленькой мне скоро сделают операцию, и ей больше не придется волноваться из-за сердца.

— И тогда ты...

— Поэтому я могу с тобой быть только до Рождества.

После операции опасения маленькой Сёко насчет взросления, конечно, исчезнут. И подростковый синдром, вызванный этими чувствами, разрешится. Все логично.

Сёко протянула ему руки. Сакута взялся за них, и она вытянула его наверх, будто доказывая, сколько в ней было здоровья.

— Сакута.

— Да?

— Подари мне последнее воспоминание.

— Какое, например?

— О первой любви.

Она говорила так просто и прямо, что он начал краснеть, и, когда она это заметила, тоже залилась краской.

— А тебе-то чего краснеть? — спросила девушка.

— Я просто взволнован.

— Не сбивай меня! Отвечай на вопрос.

Он надеялся увильнуть, но это было не так уж просто.

— Честно говоря, этого в тебе я и не понимаю, Сёко.

— Чего?

Она знала наверняка, что он имел в виду, но все равно спросила.

— Даже при Май... — начал он, но понял, что эту тему точно затрагивать не стоит, и осекся.

Однако Сёко вцепилась в нее: «Это напоминает мне, Сакута» — сказала она.

— О чем? — он попробовал прикинуться дурачком. Тем не менее он сам об этом заговорил, так что уже было не отвертеться.

— Я все еще не услышала.

— Что не услышала?

— Твой ответ.

— На что?

— На мое признание.

— В грехах?

— В любви.

— ...

— Ух, Сакута, ты знаешь, о чем я.

Несмотря на протесты, ей явно нравилось это перетягивание каната.

— Я без понятия.

— Нагло врешь!

— Не знаю, с чего бы тебе меня любить.

— ...

Сёко взглянула на него, как на диковинное морское чудовище. Моргнула несколько раз, будто не понимая, почему до него не доходит что-то настолько очевидное.

— Меня тянуло к тебе по многим причинам, Сёко, но...

— Например, потому, что я обняла тебя, прижалась сзади и предложила поцеловать?

— Этого достаточно, чтобы вскружить голову парню из средней школы.

Возраст такой, что можно влюбиться даже в милую девочку, которая подняла с пола твой ластик.

— Но это было не все.

— Ты рассказала мне о расстоянии до горизонта и о трех твоих любимых словах. А еще показала мне, в чем смысл жизни.

Теперь он понял, как она до него дошла. После долгих лет, прожитых бок о бок со смертью, пересадка сердца подарила ей будущее. Болезнь сделала Сёко невероятно благодарной. Благодарной за поддержку родителей и окружающих, за смелость донора и его семьи, не дрогнувшей от трагической случайности или болезни, что их настигла. Было столько всего, за что она могла благодарить; Сёко так помогла чужая доброта, что ей открылась эта мудрость.

Тогда он ничуть не понял, что она хотела сказать. Наверно, он и сейчас понимал лишь поверхностно. Но от воспоминания об этом ему хотелось заплакать. Особенно зная, что все шло от доброты, продлившей ей жизнь.

— Итак, я сделала из тебя мужчину, Сакута?

Она специально подобрала такие слова. Вероятно, отчасти, чтобы скрыть собственное смущение, отчасти - подразнить Сакуту.

— Не припомню, чтобы я делал из тебя женщину, — сказал он, отражая атаку.

— Сделал, чтобы я могла позаботиться о Хаятэ, — ответила Сёко, уворачиваясь от удара, но так, будто говорила совершенно серьезно.

— То было всего лишь...

— И это ты научил меня говорить родителям вместо «Извините» - «Спасибо» и «Я вас люблю».

— ...

— Ты всегда относился ко мне, как к нормальному человеку, будто моя болезнь не имела значения. Я уверена, что это случилось тогда, когда я лежала в больнице, а ты навещал меня каждый день.

— Это все, что я мог сделать.

— Я очень радовалась, что ты приходишь. Когда твои занятия подходили к концу, я начинала волноваться. Посматривала в окно, выглядывала в коридор: не идешь ли ты... То и дело смотрелась в зеркало, чтобы проверить прическу и порепетировать нормально улыбаться. Меня расстраивала моя бледность. Даже спрашивала маму, можно ли скрыть ее макияжем. Вся как на иголках и по уши в тебя влюблена.

— ...

— Маленькая я еще не осознала, что это любовь.

— Тогда, вероятно, тебе не стоит говорить мне об этом.

Сакута сказал так, чтобы повернуть разговор в другое русло, но Сёко его раскусила. Она лишь посмеялась и ничего не ответила на его слова.

— Однако первая любовь маленькой меня осталась с ней. Она никому не говорила об этом.

— Жестоко.

— Теперь-то я студентка! У меня не появится парень, если я так и буду таскаться за первой любовью. Ты должен мне помочь.

— Это из-за тебя моя первая любовь настолько затянулась.

В погоне за ней он даже поступил в ту же старшую школу. Вполне себе стремно.

— Сакута, ты встретил другую девушку и справился с этим, так что молчи.

Ей точно хотелось тут его подколоть.

— Тогда что за воспоминание тебе нужно?

— В канун Рождества сходи со мной посмотреть на иллюминацию на Эносиме.

Маленькая Сёко говорила, что хотела бы на них полюбоваться. Видимо, это много значило для Сёко. Для маленькой и для большой – для всех версий Сёко Макинохары.

— В сочельник, да?

На этот день было много запросов. От Май, конечно. Да и не мог же он оставить Каэдэ. Но до

того, как он сказал об этом...

— Не волнуйся, — сказала Сёко, точно предвидев будущее. — Двадцать третьего числа Каэдэ будет у бабушки с дедушкой.

Он впервые об этом слышал.

— Она оставит тебя с твоей чудесной девушкой наедине.

Если предсказание верно, то Сёко точно из будущего.

— Сестра понимает, что к чему, да?

Но как же планы Май? Может, она займется работой и будет слишком занята, чтобы побыть с ним? Вдруг именно поэтому Сёко его позвала.

— Не переживай, — снова сказала Сёко с улыбкой. — У Май будет свободный вечер, и вы сможете отдохнуть.

Это были определенно хорошие новости, но разве так не становилось сложнее? Или нет. Может, все было предельно просто.

— Ты должен решить, Сакута: провести вечер со мной или с Май.

На ее улыбке был налет грусти, но Сакута наконец понял, что ей было нужно.

— В шесть вечера 24 декабря я буду ждать возле фонаря в виде дракона у входа на мост Бентен.

— Сёко, я...

— Не говори. Я буду ждать там.

На лице вновь появилась ее привычная озорная улыбка.

Ему ничего не оставалось, кроме как проглотить свои слова. Этого от него хотела Сёко. Ответом будет то, как он поступит 24 декабря.

В тот вечер ему позвонил отец. У него было много мыслей насчет личной жизни Сакуты, но звонил он по другому поводу. Теперь, когда диссоциативное расстройство Каэдэ прошло,

бабушка с дедушкой вновь захотели ее увидеть. За два года они не видели ее ни разу.

Поэтому двадцать третьего она уедет к ним на несколько дней. Отец тоже к ним заедет.

Прямо, как и сказала Сёко.

Это определенно его пугало. И укрепляло в нем уверенность.

Каэдэ скривила личико и сказала: «Мне лучше уехать на Рождество, да?»

Сёко точно предсказала даже мотивы его сестры.

Часть 3

Днем после внезапного свидания с Сёко, в субботу 13 декабря, Сакута работал в вечернюю смену до девяти и, как только зашел домой, плюхнулся в ванную.

Горячая вода сняла усталость от тяжелого дня. С ласками и бранью Май он бы совсем восстановился, но когда он вылез из ванной, ее все еще не было дома.

Пока сушил волосы, он высунул голову в гостиную. Май не было.

— Ты слышала что-нибудь от Май? — спросил он. Каэдэ сидела за котацу и смотрела телевизор. Теперь ванну заняла Сёко. Он слышал, как шумел душ и как она напевала.

— Пока нет.

Май рано утром отправилась на съемки фильма. Тот самый, который они снимали в Канадзаве. Еще оставалось отснять несколько интерьерных сцен на студии в Токио.

Но время уже было позднее. Он взглянул на часы: десять минут одиннадцатого.

Каэдэ переключала каналы.

— Что-то интересное? — спросил он, наконец досушив волосы.

— Так много незнакомых людей. Сложно во что-то включиться.

Должно быть, это из-за двухгодичного провала в памяти.

Она остановилась на ток-шоу. Выступал комедийный дуэт. Их номер шел очень стремительно.

— Сейчас это считается смешным?

— Их много показывают, так что, наверное?

— Если в школе кто-то процитирует их шутки, у меня будут проблемы. Я их совершенно не понимаю.

Каэдэ навалилась на котацу и повернулась лицом к экрану.

— Не нужно себя заставлять.

— Уф. Как мне, по-твоему, завести друзей?

— Тебе просто надо написать свои шутки. «У меня тело третьегодки, а разум — первогодки». Весь класс умрет от смеха.

— Дело как раз-таки в этом несоответствии! Как думаешь, почему я смотрю телек?

Каэдэ гневно уставилась на него, но это ничуть не пугало. Выглядело так, будто она просто дуетя.

— Сложно нагнать два года перед третьем триместром.

Каэдэ готовилась вернуться в школу. Их отец уже поговорил насчет нее, и в среду после занятий Мивако Томобэ – учитель-консультант Каэдэ, заскочила ее проведать. Несмотря на то, что Томобэ весьма поразила перемена Каэдэ, они поговорили и установили кое-какие цели.

Одной из них было вернуться в школу с третьего триместра.

— В этом-то и проблема!

— Так сделай из нее шутку!

— И привлечь к себе внимание?

— Ты возвращаешься в коллектив на третьем триместре. Этого все равно не избежать. Если все посмеются над этим, тебе, в конце концов, самой будет легче.

— Кого мне смешить у медсестры в кабинете?

В это время года у третьегодок самая суматоха со вступительным экзаменом. По этой причине ее сначала отправят к медсестре.

— Ну, медсестру.

— Много мне толку от этого.

Нахмурившись, она взяла со стола зеркальце и стала разглядывать лицо со всех сторон. За последние два года оно сильно изменилось, и ей еще было трудно его принять.

— Я вообще выгляжу, как третьегодка?

— Конечно. Ты достаточно высокая.

Ее рост составлял 163 сантиметра. Высокая для своего возраста.

— А другие разве не выросли еще больше?

По телевизору началась реклама. Услышав знакомый голос, они повернулись к экрану. Там Май рекламировала телефоны с семейным тарифом. Она играла девушку в парочке старшеклассников и в шутку сказала: «Может, тогда станем семьей?».

Это вмиг загипнотизировало Сакуту. Он чуть не крикнул «да».

Каэдэ тоже восторженно смотрела на Май. Глаза горели от восхищения. А потом она нахмурилась и стала дергать себя за волосы.

— Каэдэ.

— Что?

— Май очень милая, да?

— Мне все еще не верится, что вы встречаетесь.

— А еще, Каэдэ...

— Что?

— Возвращая утку, лебедя не получишь.

— Конечно.

Она явно не поняла его мысль.

— Я просто хочу из хромой утки-неудачницы превратиться в нормальную утку, — сказала она.

Может, она поняла больше, чем ему сперва показалось. Она все еще дергала волосы.

— Ну, сменить стрижку не повредит, — заметил он.

Каэдэ отпустила пряди.

— Я не это... — пролепетала она.

— Я знаю девушку, которая в средней школе была настоящей серой мышкой, но в старшей она кардинально изменилась и стала модницей. Теперь за ней бегают все парни.

Он говорил о Томоэ Коге. Как-то раз она показывала ему свое фото из средней школы. Кроме как серой мышкой, ее было не назвать. Две несуразные косички по бокам, вообще не клево. Но она поменяла прическу, научилась краситься и сделала все, чтобы стать крутой девчонкой. Может, у Каэдэ тоже получится.

— Стрижка – это серьезный шаг, — сказала она.

— Нужна немалая отвага, чтобы хотя бы шагнуть за двери модного салона.

— Сперва надо иметь достаточно хорошую прическу, чтобы в такое место впустили.

— И где ты ее возьмешь?

— Хотелось бы знать.

Каэдэ драматично вздохнула. Словно пытаясь ее ободрить, Насуно – их трехцветная кошка, потерлась о Каэдэ спинкой. А может, она просто хотела почесаться. Насуно свернулась клубком под теплым одеялом котацу.

— Думаю, могу подстричь тебя по-обычному. Я так раньше и делал.

В конце концов, другая Каэдэ не выходила из дома.

— ...Поэтому пряди справа и слева разной длины?

— Это «нет»? Тогда надо будет спросить Май. Вдруг она попросит своего стилиста на тебя взглянуть.

— Я-я не смогу! Я этого недостойна!

— А?

— И это наверняка дорого!

— Конечно, но моей зарплаты хватит.

— Обойдется, наверно, в десять тысяч йен!

— Если так у тебя появится уверенность, чтобы идти в школу, то это хорошая цена.

— П-правда? Каэдэ колебалась, опять теребя волосы. Двумя руками. Смена прически казалась ей большим шагом. Однако к концу рекламы она уже шептала: «А может, стоит».

Ощущалось, что для нее это будет позитивной переменной, шагом вперед. Сакута заметил в ней искреннее желание подготовиться к школе. Она прижала руки к груди. Наверное, думала о другой Каэдэ, которая два года упорно трудилась, чтобы прийти к этому. Выглядело так, будто она читала клятву, обещая, что этот труд не пропадет даром и она с блеском вернется в школу.

— Хорошо! Я за ножницами.

— А я тебя и не спрашиваю! Опять все будет неровно.

Она подняла руки, отбиваясь от него. Почему-то от бурных возражений ему захотелось подстричь ей волосы еще сильнее.

Он хотел уже было идти за ножницами, но его ужасный план прервался звонком. Звонили на домашний.

Маленький монохромный дисплей высветил одиннадцать цифр, начинающихся с 090. Номер

был ему знаком. Один из трех, что он знал наизусть. Он не принадлежал ни Юме и ни Рио. Это был номер Май.

Сакута взял трубку и приложил к уху.

— Азусагава у телефона.

— Это Сакурадзима. Я могу поговорить с Сакутой?

Она прекрасно знала, что ответил именно он, но все равно заговорила официально. Вероятно, потому, что он ответил, словно звонил кто-то незнакомый.

— Извините, какая Сакурадзима звонит?

— Сакурадзима, что встречается с Сакутой.

— Как дела, Май? — спросил он, уже не зная, как выйти из игры в телефонные любезности.

— Съемки только что кончились, и я еще в студии. Вернусь поздно.

— Когда?

Уже шел одиннадцатый час. Почти десять тридцать.

— Мне надо спокойно переодеться, поэтому после одиннадцати.

— Тебя довезет менеджер?

— На поезде быстрее, так что поеду на нем.

Было слышно, что она не понимала, почему он спросил.

— Тогда позвони мне перед тем, как садиться на поезд.

— Зачем?

— Чтобы я тебя встретил на станции.

— Я не ребенок. Со мной все будет хорошо.

— Ты не ребенок, и поэтому я волнуюсь.

— Пожалуй, ты – единственное, что мне угрожает.

— Всегда хотел быть опасным! Польщен, что ты так считаешь.

— Ладно, ладно. Но да, нам надо поговорить, так что приходи за мной.

— Поговорить о чем?

— Скоро узнаешь.

— Не дари мне надежду.

— Ожидай хорошего, — сказала Май и весело засмеялась. Из-за того, что они говорили по телефону, казалось, что она хихикает ему прямо в ухо, и это было очаровательно. — Посмотрю расписание поездов и перезвоню.

— Хорошо. Ты сегодня хорошо поработала на съемках, Май!

— Спасибо!

Они отключились, продолжая смеяться.

Май перезвонила через двадцать минут. Она сказала, что поезд приедет в одиннадцать тридцать.

За пятнадцать минут до оговоренного срока он выпрыгнул из-под котацу.

— Мне пора идти, — сказал он.

— Не замерзни! — крикнула Сёко, оглянувшись через плечо.

Каэдэ сидела рядом с ней за котацу и крепко спала. Он говорил ей лечь в кровать, но она сказала, что ей надо побеседовать с Май. Еще пять минут назад она утверждала, что не заснет и дождется. Наверное, Каэдэ хотела поговорить о стрижке, пока ее решимость не угасла. До этого она обсуждала с Сёко, какую причёску ей выбрать.

— А? Ты уже вернулся? — сонно промямлила Каэдэ.

— Ой, я тебя разбудил?

— Я и не спала...

Она точно спала. Даже сейчас сидела в полудреме. А Сакута не то, чтобы не вернулся, он еще не уходил. Но он решил не сбивать ее позитивный настрой.

— Сейчас ее приведу, — сказал он и вышел.

Выйдя, он задрожал от вечернего холода. Улицы были пусты, на них лишь стояла зловещая тишина.

Холод его окрылил, и Сакута добрался до станции в рекордное время.

Он бывал на станции Фудзисава каждый день, но к Рождеству она казалась совсем другим местом.

До праздника была еще неделя, но станцию уже обвесили огнями и украшениями.

Пробиваясь сквозь спешащую домой толпу, Сакута пришел к камере хранения у железнодорожных ворот и стал ждать. В этой камере Май держала костюм кролика, когда они впервые встретились. Теперь он преспокойно хранился в шкафу его спальни. Прошло много времени с тех пор, как она надевала его по старательной просьбе Сакуты.

— Может, наденет на Рождество.

— Уж точно нет.

Май подошла сзади, пока он размышлял о камере хранения.

— Оу. Но ведь это Рождество!

Он опустил голову и повернулся к ней. В него врезался свирепый взгляд. На Май была вязаная шапка, прикрывающая уши, и маска, защищающая лицо от холода. У маски было еще одно важное преимущество: почти никто не мог догадаться, что с ними в поезде ехала Май Сакурадзима.

— Это не повод.

Она двинулась в путь.

— Меня устроит и Санта в мини-юбке.

— Рождество – это не праздник-маскарад.

— Да, но в этот день парочкам полагается неистово флиртовать.

— Ох...

Обратно он пошел той же дорогой под боком с Май. Они прошли мимо магазина электроники за главной улицей.

Когда показался мост, Май внезапно спросила: «Так что произошло с Сёко?».

Вопрос был жуткий, и сердце Сакуты чуть ли не выпрыгивало из груди.

— В смысле, что произошло? — сказал он, прикидываясь дурачком.

— Это я и спрашиваю, — Май гневно смотрела на него. Однако гнев был напускным. Она не злилась по-настоящему. Пока.

— Ничего не произошло, — соврал он. Сакута отчетливо ощущал на себе ее взгляд.

Он не понимал, почему Май спрашивает об этом, но, очевидно, произошло что-то значительное.

Большой секрет большой Сёко.

Теперь Сакута знал правду о ней.

То, что она прибыла из будущего...

И он не сказал об этом Май. И вообще никому. Знали лишь трое: Рио, которая заподозрила первой, сама Сёко и Сакута.

Возвращаясь домой со свадебного зала, они ехали до станции Фудзисава по линии Эносима, и Сёко дала четко понять.

— Я хочу, чтобы это было нашей тайной.

— Футбола уже в курсе.

— Нельзя допустить, чтобы мое будущее изменилось. Если случится что-то, из-за чего пересадки не произойдет, я обречена.

Несмотря на расслабленный тон Сёко, это звучало прямым предупреждением. Он понял намек и кивнул. Не то чтобы у него сильно был выбор. Ему правда не хотелось будущего, в котором маленькая Сёко умирает от болезни. И теперь, когда Сакута знал, что она выживет, не нужно было рассматривать альтернативы.

Знание влияет на поведение людей. И поведение его самого уже, наверное, изменилось. Скорее всего, он будет относиться к маленькой Сёко по-другому. Говорить ей другие слова. Если и была вероятность, что что-то настолько мелкое может изменить будущее, то чем меньше людей узнают правду, тем лучше. В конце концов, он уже не мог стереть себе память.

И поэтому он ничего не сказал Май. Не из страха, что она узнает об их походе в свадебный зал и что он пытался это скрыть. Почти не из-за этого.

— Не хочешь говорить – и ладно.

Май смотрела перед собой, всем видом говоря: «неважно», будто ей было все равно. Но, возможно, она считала иначе.

— Да ничего такого не случилось. Почему ты спрашиваешь?

— Вчера вечером вы казались другими.

— ...

У нее острый взгляд.

Может, ему стоило кое в чем признаться, пока не зашел разговор о будущем. Другими словами, перестать воспринимать просьбу Сёко как предлог не говорить вообще ничего.

— А вообще, мы тайно сходили в церковь в Хаяме.

— ...

Ужасающее молчание.

— Сёко подумала, это может помочь с подростковым синдромом, поэтому...

Он тщательно подбирал слова, следя за ее реакцией.

— Сакута.

— Да? Что?

— Я не хочу знать.

— Тогда почему спрашиваешь?

— По-твоему, это моя вина?

— Нет, только моя.

— ...

Опять молчание. Обычно она хотя бы показывала недовольство, но не сегодня.

— Тебе стоит быть жестче со мной.

— Тогда позволь еще вопрос.

— С удовольствием.

— Что для тебя значит Сёко?

Май умела бить по больному. В выборе темы она была беспощадна. Даже слишком. По ощущениям он уже был загнан в угол, и теперь она осыпала его ударами.

— Она моя первая любовь.

— И все?

По взгляду казалось, что ей что-то известно. Сакута увидел в ее глазах себя и отвел глаза.

Теперь, когда он вновь увидел Сёко, его чувства прояснились.

Истинная природа эмоций, которые он называл своей первой любовью.

Теперь он ее понимал. Простая короткая фраза, говорящая обо всем.

Все началось два года назад, когда он впервые встретил старшеклассницу Сёко. Тогда Сакута чувствовал полное бессилие, потому что не мог спасти Каэдэ от школьных издевательств. Он настолько сожалел, что спровоцировал собственный подростковый синдром, из-за которого у него на груди появлялись таинственные раны. Он упал на самое дно. И эти чувства не давали ему подняться.

Но потом его спасла старшеклассница.

Его спасла Сёко.

Девушка, которую он случайно встретил на пляже Шичиригахана.

Ее слова что-то тронули внутри него. Она простила его слабость, неспособность на что-либо повлиять. Выслушала его сожаления. Показала, в чем заключается доброта. Дала ему силы идти вперед.

Все это он хотел сделать для Каэдэ. Но не смог.

Поэтому он на нее равнялся.

Поэтому хотел быть как Сёко.

Его чувства к ней были сильны и чисты.

В том возрасте он ни к кому не испытывал подобного. Чувства были сильны настолько, что он спутал их с любовью.

Такова была первая любовь Сакуты.

Возможно, на вопрос Май верно было ответить, что она была его героем.

Но даже если в этом заключалась истинная природа его чувств, он не думал, что таков был бы верный ответ на вопрос Май. Это была первая любовь Сакуты, несмотря ни на что. Его это устраивало. Первая любовь часто состоит из чувств, которые ты не особо понимаешь. Так и должно быть.

Поэтому сколько бы не спрашивала Май, ответ всегда будет один.

— Сёко – это первая девушка, которую я полюбил.

— Жаль.

— Что?

— Если бы ты пробормотал что-нибудь глупое про то, что восхищаешься ей, я бы сильно разозлилась.

— И я упустил такой шанс!

У него по спине пробежала дрожь. Он проскочил в миллиметре от мины.

— Так что пока принимается, — сказала она.

— А? Не будет вопроса, что значишь для меня ты?

— Да за какую такую занозу в заднице ты меня принимаешь?

Она дала понять взглядом, что, если он настаивает, об этом поговорить можно, но Сакута перешел в поспешное отступление. Не стоит портить ей настроение, пока оно у нее хорошее.

— Так о чем ты хотела поговорить?

— Уже настроение не то, — ответила она.

Может, она еще слегка сердилась.

— Оу-у. Ты сказала ожидать хорошего! Я и ожидал!

— И кто же виноват?

— Я обо всем сожалею.

— Правда?

— Всеми фибрами души.

Май засмеялась. Может, простила его? Но нет, ложное чувство безопасности было ловушкой.

— В той церкви вы понарошку сыграли свадьбу? — спросила она улыбаясь.

Настолько прямой удар поверг бы в шок даже двойную угрозу с севера.

— Я думал, ты сказала, что это пока принимается?

— ...

Ее злобный взгляд внушал ужас.

— Ух, и она примерила свадебное платье.

Он говорил совсем тихо.

— И Сёко была само очарование?

Как на это отвечать? Любой ответ казался неверным. Ему настал конец, как только беседа пошла в этом направлении.

— Готов поспорить, ты будешь выглядеть потрясающе в своем свадебном платье, Май.

— Увидишь ты его или нет – зависит от тебя.

— Мне бы очень хотелось.

— Тогда исправляйся.

— Исправлюсь.

Когда он отнесся к этому серьезно, Май тяжело вздохнула. Но это было значительно лучше тех злобных молчаливых взглядов.

— Я хотела поговорить о двадцать четвертом, — сказала она.

— Хм?

— Декабря.

— Канун Рождества?

— Если на съемках все будет хорошо, в этот вечер мне не придется работать.

Она говорила ровно, без радости и без злобы. Может, даже слегка подавляя чувства.

— Думаешь, тебе еще добавят работы?

— Возможно, но я попросила Рёко не забивать мне график.

Май взглянула на него. Она ожидающе смотрела из-под ресниц.

— И Каэдэ сказала, что поедет к бабушке с дедушкой, поэтому...

Она замолчала. Их глаза встретились. Ей явно хотелось, чтобы Сакута закончил мысль, но он хотел, чтобы это сказала она.

— Поэтому? — повторил он.

— Давай сходим на свидание, — сказала она, очевидно, пытаясь изо всех сил не выдать смущения. И пока он на это не указал, она выпалила: «Как насчет иллюминации на Эносиме?»

— ...

Сразу ответить он не мог: его слишком ошеломило столько всего за раз.

Первое: как и сказала Сёко, у них будет свидание.

Второе: два возможных свидания пройдут в одном и том же месте.

Он не знал, была ли Сёко в курсе дел и специально ли выбрала это место, но было похоже на то.

— Сакута?

— Лучше медузы в океанариуме.

— Место из рекламы в поезде?

Океанариум был в двух шагах от станции Катасэ-Эносима. В последние годы на праздники аквариумы с медузами украшали гирляндами, и это активно рекламировалось.

— Да, оно. Увидел рекламу и стало интересно.

— Сакута, ты вообще любишь медуз?

— Думаю, полюблю, если буду ими любоваться с тобой.

— А. Тогда свидание в океанариуме. После работы поеду прямо туда, так что... встреча у океанариума должна привлечь меньше внимания, чем на станции.

— Вероятно, так. Но если ты чуть для меня постарайся, то привлечешь внимание где угодно.

— Тогда прямо перед океанариумом, — сказала Май, смеясь над его попыткой ее подразнить. Она прекрасно понимала, что может без труда превзойти его самые большие ожидания. Она это и делала. — В шесть подойдет?

— Я, эм...

Он колебался, вспоминая слова Сёко. Она тоже будет ждать в шесть часов.

Но это был не повод переносить время.

Сакуте нужно было выбрать. И он мог только следовать этому выбору. Даже если в обозначенный день он почувствует конфликт с собой или вину, в шесть вечера 24 декабря, он будет стоять перед океанариумом. Когда придет Май, он похвалит ее наряд, и они пойдут смотреть на медуз с подсветкой, говоря: «Немного мерзко, но все равно красиво», и будут наслаждаться свиданием, как и все парочки.

Вот, что мог сделать Сакута. Единственное, что он мог сделать для Май и Сёко.

— Тогда встречаемся в шесть? — спросила Май.

— Да, — твердо ответил он.

Он любил Май. Она значила для него больше всех. Других причин ему не требовалось.

— Уже не терпится увидеть, что ты подаришь!

— Ой, а разве свидание не хороший подарок?

Они зашли в жилой квартал, и говорили вполголоса. Май опустила голову, чуть покраснев и избегая его взгляда, но они до самого дома весело подтрунивали друг над другом.

Часть 4

— Стой, сэмпай, почему ты здесь?

Было 14 декабря, воскресенье. Сакута вышел на работу, переоделся в форму официанта и шлепнулся на пол, столкнувшись с маленькой дьяволицей.

— Разве у тебя сегодня смена? — спросила она, озадаченно посмотрев на него.

Томоз Кога - первогодка той же старшей школы. У нее были короткие пушистые волосы и легкий макияж в стиле современных школьниц. Все это хорошо сочеталось с миловидностью женских униформ заведения. Сакута не раз слышал разговоры посетителей-мужчин о том, какая она милая.

— Подменяю Куними.

— Это у тебя никогда не получится.

Она говорила серьезно.

— Знаешь пожилую даму, которая тут подрабатывает? Она взглянула на меня, покачала головой и сказала: «Я надеялась, будет Юма» — так что... не дави на меня.

Сакута не ожидал, что Юма завоюет сердца еще и седовласых сотрудников, но никто, невзирая на пол и возраст, не мог сопротивляться притяжению его милой улыбки. Это было нечестно.

— Я всего лишь подумала, что тебе не хватает на рождественский подарок Сакурадзиме и поэтому ты берешь больше смен.

— Даже так я не получу деньги в срок.

— Я не говорила, что это хороший план.

— За какого дурака ты меня держишь?

— Ты уже подготовил подарок?

— Все равно на него нет денег.

— О, боже мой.

Случилась череда неожиданных трат. Та поездка-сюрприз в Канадзаву очень ударила по карману. Десятого перечислили зарплату, но почти все пошло на уплату долга Май. И сейчас ему нужно будет заплатить за преображение Каэдэ. На рождественский подарок не останется ничего.

— Слушай, Кога...

— Я тебе ничего не дам.

Она его опередила его. К тому же сказала дам, а не одолжу. Кога слишком хорошо его знала.

— Жадина.

— В конце концов так и будешь ходить по струнке перед Май, — сказала она, закатывая глаза.

— Такова моя теория суперструн.

— Твоя что?

— Вижу, ты не разбираешься в сложных физических шутках.

— Как будто ты их понимаешь.

— Я знаю, что никогда их не пойму, а большего мне понимать и не нужно.

Как-то он забежал в лабораторию и пролистал книгу, которую читала Рио, и не уловил даже основную мысль. На самом деле, он и до этого не добрался. Сакута начал читать абзац, обозначенный надписью: «Прежде чем начать», дошел до середины страницы и спокойно закрыл книгу.

Оставим сложные темы умным людям. Сакуте следовало сосредоточиться на том, что и правда было ему по силам – важный жизненный урок.

Нужно было думать не о теории суперструн и природе вселенной, а о том, как пережить сочельник, на который Май и Сёко позвали его на свидание. Он уже сделал выбор, оставалось лишь следовать ему.

И поскольку он определился, ничто не имело значение больше, чем ждать свидания с Май и радоваться ему. Абсолютно.

— Услышал хорошую новость или как?

— Что?

— Ты лыбишься. И при этом обычно зовешь меня нахалкой и начинаешь доставать.

— А вот и нет.

На такие вещи у Томоз глаз был наметан. Она тщательно следила за окружающими и быстро замечала перемены. Подобный вопрос от нее был добрым знаком. Если в виде Сакуты читалось, что происходит нечто хорошее, то он и правда ощущал, словно оно было так.

Перед ним встала дилемма с нереальным выбором, но все, в конце концов, было не так уж трагично. С одной стороны – его нынешняя девушка, с другой – первая любовь. Смешно убиваться из-за этого.

Сочельник – особый праздник, что бывает раз в году. В частности, для пар. И две девушки пожелали провести этот день с ним. Ну что за удача?

— С тобой что-то творится?

— А? Почему?

— У тебя руки пополнели.

— Неправда!

— А, они всегда были такими?

— Какой ты злюка!

Томоз обхватила себя руками и повернулась, спасая их от взора.

— Ты невыножасный! Кошмарный невынозавр!

— Ну-с, хватит трепаться! Пора за работу!

— Я похудею и заставлю тебя извиняться!

— Похудеешь и я угощу тебя парфе.

У них было особое предложение в виде жутко калорийной гигантской порции парфе, усыпанной клубникой. Томоэ бы невероятно понравилось.

— Тогда я снова растолстею!

Он жил на радость другим.

Сакута работал, прерываясь лишь на то, чтобы подразнить Томоэ, и закончил смену на двадцать минут позже установленных пяти часов. Как только он собрался уходить, в кафе завалилась большая компания, и все были заняты, принимая и разнося их заказы.

Он переоделся в свою уличную одежду, и к тому времени, как вышел на улицу, стукнуло пять тридцать. Сакута пешком отправился в больницу к Сёко.

По дороге он попал под внезапный ливень и едва успел до окончания часов приема – было 17:55. В больнице особо не побегаешь, поэтому он направился к ней в палату обычным шагом.

Проходя сестринский пост, он склонил голову. Теперь все они знали его в лицо.

— У тебя всего три минуты! — сказала одна из них. Правила есть правила. Но, судя по ее взгляду, они были готовы их слегка нарушить. — Торопись!

Сакута снова кивнул и пошел прямо в конец коридора. Ее палата была впереди. Он видел дверь.

До палаты еще оставалось около десяти метров, как вдруг дверь приоткрылась. Оттуда высунулась голова и заглянула в коридор – Сёко. Она выглядела обеспокоенной. Завидев идущего на нее Сакуту, Сёко вскрикнула, и на лице тут же расцвела улыбка.

— Извини, что поздно.

— Н-нет, ты рано! — не совсем точный ответ.

— Это совсем не так. Часы приема почти закончились.

— Рано или поздно – разницы почти никакой. Главное, что ты пришел.

Она распахнула дверь и рукой пригласила войти. Голос и выражение лица были бодрыми, но она возила за собой капельницу и некрепко стояла на ногах.

— ...

Она была совсем плоха.

— Ладненько, — буркнула Сёко, опять укладываясь в кровать. Ее физическое состояние заметно ухудшалось. Сакута точно не знал, произошло это из-за болезни или из-за длительного пребывания в больнице. Пижама на ней казалась более мешковатой.

Он занял табуретку и стал разглядывать палату. Вид Сёко действовал на него угнетающе. На прикроватной тумбочке он заметил знакомое задание и потянулся за ним.

— А-а-а!

На мгновение ему показалось, что Сёко расстроилась. Будто он увидел то, чего не должен был, однако раньше он уже это видел. «Расписание будущего», которое она не написала в начальной школе. Закончить так и не смогла, поэтому забрала домой...

Он открыл его и взглянул на страницу.

— Хм-м-м?

Такова была реакция на запись, которой не было несколько дней назад.

Условиться о важном свидании в канун рождества.

Это появилось в студенческой части.

Казалось, что этот текст был там всегда, как и другие пункты. Что здесь творилось?

В день ошеломительного признания большой Сёко Сакута спросил ее об этом листочке. Они думали, самое правдоподобное объяснение – это то, что она прикалывается. Однако она все отрицала.

— С чего бы мне таким заниматься?

Вполне логично, подумал он. Распечатка всегда находилась в палате. Если бы большая Сёко захотела на ней что-нибудь написать, ей бы пришлось туда как-то пробраться. Чтобы незаметно проскальзывать туда и обратно множество раз, требовались навыки, как в шпионских фильмах.

Он разговаривал с Рио, но она только сказала: «Даже не знаю» – и развела руками. Тем не менее она сказала, что действия большой Сёко почти наверняка с этим связаны: они основываются на том, что появляется на листке. Сакута пришел к тому же выводу.

— Новая запись, — сказал он.

— Д-да. Они все еще появляются...

Сёко вела себя так, будто это было что-то плохое. Она опустила глаза на руки, явно не желая говорить о задании. Пока она размышляла о причинах, раздался стук в дверь.

— Да? — сказала Сёко, и в палату просунулась голова медсестры. Той же, что была раньше.

— Я сделаю обход и проверю остальные палаты. До тех пор у вас есть время.

Это был тонкий способ намекнуть, что часы приема кончились. Шел седьмой час.

— Тогда ни за что не спешите.

— Боюсь, так не получится, — сказала она, смеясь.

Медсестра пошла по коридору. Она действительно шла с привычной скоростью.

— Завтра я постараюсь прийти раньше.

— Эм, насчет этого, Сакута...

Сёко замолчала, и ей на лицо легла тень. Она опустила голову и не сводила глаз с рук.

— Хм?

— Я... Я знала, что давно должна была тебе сказать, но...

По тревоге во взгляде он догадался, в чем было дело, и, скорее всего, догадался верно.

— Мое состояние... не из лучших.

Она говорила тихо, но четко. Чувствовалось, она хотела сообщить об этом надлежащим образом.

— ...

— Что значит... оно очень плохое.

Сакуте к сердцу точно кто-то привязал гирю. Будто все тело ушло под пол.

— М-м-м, — смог издать он.

— С лекарством, которое мне дают, я пока держусь, но... оно не долго мне будет помогать.

— Понятно...

— Поэтому, эм...

Как бы собираясь с духом, Сёко прочистила горло и заглянула ему прямо в глаза. Потом глубоко вздохнула. Глаза горели решительностью.

— Больше не приходи меня навещать, — сказала она улыбаясь.

Яркой солнечной улыбкой. Картина была настолько прекрасна, что многим бы Сёко показалась самой беззаботной в мире девочкой.

Сколько мужества вмещало ее маленькое тельце? Должно быть, она напугана до смерти. Откуда у нее силы беспокоиться за него?

Сёко была вынуждена попрощаться с улыбкой, потому что думала о нем. Чем чаще они виделись, тем больше и глубже будет его скорбь, когда она исчезнет. Они не могли снова стать незнакомцами, но она хотела уменьшить его боль, как могла. Думая лишь о том, что будет с ним, когда ее не станет. Эта хрупкая, крошечная девочка... лишь на первом году средней школы.

Как Сёко могла столько выдержать? Мир несправедлив. Это такой бардак, что не стоит и говорить.

Но вместе с тем, ответ Сакуты становился все более очевиден. Он мог оставить сложные вопросы умным людям. Нужно было делать то, что ему под силу. Даже здесь он мог кое-что сделать. Кое-что, что он мог понять и без обучения.

Сакута тихо вздохнул. А потом сказал: «Неа».

Как он обычно и говорил. С тем же апатичным, мертвым взглядом. Ни капли энтузиазма в голосе. Как при ежедневной болтовне.

— Что? — заморгала Сёко. Он ее не винил. Она собралась со всем своим духом, а он взял и проигнорировал это.

— Я приду завтра и послезавтра, — сказал он до того, как она успела прийти в себя. — Может, в какие-то дни я не смогу прийти из-за работы, а в остальном буду ходить сюда каждый день, пока тебя не выпишут.

Если бы большая Сёко не рассказала ему о будущем, он вряд ли бы так ответил.

Однако еще она сказала, что он приходил к ней каждый день. Тот Сакута о будущем не знал и все равно так сделал. А Сакута знал будущее, и он не мог этого не сделать.

— Но я... — голос Сёко дрожал. — Я!..

Она все еще пыталась с ним спорить.

— Все хорошо, — сказал он, медленно вставая. Он шагнул к ее кровати и положил руку ей на голову. — Макинохара, ты отлично справилась.

— ...Эм?

Она хлопала глазами, очевидно, не понимая, что все это значит.

— Даже не представляешь как!

Не позволяя страхам отражаться на своем лице.

— Ты держалась молодец.

Пытаясь изо всех сил уберечь родителей от беспокойств.

— Ты так старалась.

Скорее всего, ей было невероятно страшно, но она так широко улыбалась, всех благодарила и делала все, чтобы показать, как она счастлива.

— Все это время ты трудилась усерднее всех.

Она улыбалась каждый раз, когда он приходил. Даже сегодня.

— ...Сакута, — проговорила она в то время, как ее глаза наполнялись слезами. Конечно, она с ними боролась. Хотела остановить. Чтобы и дальше быть радостной Сёко Макинохарой, всеобщей любимицей.

Но Сакута ей ни за что не позволит. Сёко заслуживала лучшего. Если она не получит этого, то с миром явно что-то не так.

— Поэтому тебе больше не нужно.

У нее опять навернулись слезы.

— Но... я... я... — задрожал ее голос. Следующие слова встали поперек горла.

— Тебе не нужно так чертовски сильно стараться.

— !

Ее затрясло.

— Я... Я хочу...

Она зажмурилась. Крупные слезы упали на простыню. Плотина больше не могла сдерживать бушующую волну эмоций.

— Я никогда не хотела болеть!

Наконец-то открылись ее настоящие чувства. Никто бы и не подумал ее за это осуждать. Слезы текли ручьем. Она обхватила его и уткнулась лицом в грудь.

— Я хочу быть, как все, — рыдала она.

— М-м-м-х-м.

— Почему именно я?

— Точно.

— Я хочу жить...

— ...

— Я тоже хочу жить!

— Ага.

— Жить и... и...

Все это время Сёко не могла дать волю чувствам. Не могла себе позволить такое. Тогда бы взрослые расстроились. Огорчить их. Стать обузой, проблемой. Итак...

— Я просто... Я...

— ...

— Я хочу...

Слова не получались: ее голос душили слезы. Но и словами выразить эти чувства было нельзя. Они выражались лишь слезами. Обращались в рыдания. Только так выходили настолько сильные чувства. Дрожащей рукой она ухватила за его рубашку, и это было красноречивей любого слова.

— Я не...

— Со мной все будет хорошо.

— ...

— Я приду завтра.

— ...Сакута.

— И послезавтра.

Она неровно вздохнула, пытаясь успокоиться.

— Может, в какие-то дни я не смогу прийти из-за работы.

— ...

— А в остальном буду ходить каждый день, пока тебя не выпишут.

— ...Правда?

Ее голос хрипел. Говоря с заложенным носом, она казалась намного младше.

— Правда.

— ...Сакута.

Пусть и всхлипывая, но она смогла его отпустить.

— ...Ты обещаешь?

— Обещаю.

— Поклянешься на мизинчиках?

Сёко подняла свою ручку. Сакута обхватил ее мизинец своим.

— Не думала, что это так неловко, — сказала она с робкой улыбкой, будто пыталась скрыть, насколько ей это было приятно.

Сакута вытянул две бумажные салфетки из пачки на прикроватной тумбочке и протянул ей. Он думал, Сёко утрет ими слезы, но она в них высморкалась.

И это его рассмешило.

— Что? — спросила она и захлопала ресницами. Он ничего не ответил, и она тоже начала смеяться.

Сакута надеялся, что хотя бы на то мгновение ее страхи развеялись. Если это и правда было так, то Сакута потрудились на славу. Его бы полностью устроил такой результат.

— Ну все, часы приема кончились! — сказала медсестра, которая будто выжидала подходящий момент. Ее голос звучал неестественно, так что, скорее всего, она подслушивала из коридора. Судя по тому, как она посмотрела на Сакуту, точно подслушивала. Во взгляде читалось «молодец».

— Ладно, давай до завтра.

— Ага! — сказала Сёко и улыбаясь помахала на прощание.

Он поднял руку, чтобы тоже помахать, как вдруг...

— !..

...она чуть всхлипнула, и ей на лицо упала тень. Она резко схватилась за грудь и держалась так крепко, словно чему-то сопротивлялась.

Затем, корчась от боли, упала на кровать.

По тому, как двигались ее губы, казалось, что она пыталась что-то сказать, но выходил один лишь хрип. Все это произошло за считанные секунды.

— С дороги! — сказала медсестра, отталкивая Сакуту и нажимая на кнопку вызова персонала.

— Что случилось? — из динамика спросил голос.

— Внезапное изменение в состоянии Макинохары, — спокойно сказала она.

Потом она несколько раз позвала Сёко по имени, надеясь услышать ответ.

Одновременно с этим в палату вбежали два доктора в белых халатах. На вид одному было за сорок, другому – за пятьдесят. Следом пришли три медсестры. Палату наводнил медперсонал.

Возле кровати Сакуте не оставалось места, и в конце концов его вообще прижали к стене.

Доктор постарше быстро осмотрел Сёко и произнес: «Готовьте операционную и позвоните семье. Ей нужно в реанимацию». Две медсестры куда-то побежали, другая зашла с каталкой.

Следуя указаниям врача, крошечное тельце Сёко переложили на каталку и быстро увезли из палаты.

Все это происходило с головокружительной скоростью. Сакуте ничего не оставалось, кроме как стоять и смотреть. Обычный школьник здесь ничем не поможет. Он мог только бездействовать. Но бездействие его тревожило. Тревога переросла в панику и затем в откровенный страх.

Бездействие убивало его. Он знал, что Сёко сделают пересадку и она будет жить. Но даже с тем, в комнате висело такое напряжение, что казалось, оно сжимало его в тиски. В голове все крутилось: вдруг Сёко ошиблась и предсказанное будущее не наступит. Сакута никогда не видел, чтобы кто-то корчился от боли, как Сёко, отчего его настиг ураган эмоций.

Почти не раздумывая, он шагнул к коридору, чтобы последовать за каталкой.

Он сделал пару шагов, но на третий его грудь внезапно пронзила боль. Она стремительно

подступала изнутри.

— ...А-а-ай! — застонал он. От первой волны он чуть не потерял сознание, но чудом выстоял. Зрение сузилось. Звуки исчезли. Он не мог толком стоять и пошатывался, прислонившись к коридорной стене. Потом он соскользнул и грохнулся на пол, свернувшись калачиком.

На руке, которой он схватился за грудь, что-то было. Что-то неприятное, что-то неправильное. Он опустил голову и увидел красный цвет. Сквозь рубашку сочилась свежая кровь.

Сакута кое-как поднял голову и увидел, как каталка с Сёко пропадает в коридоре. Он не слышал ни скрип колес, ни голоса докторов и медсестер. Он ощущал лишь боль в груди. Она отрезала его от всего.

— Что происходит?..

Боль завладела его мыслями. Она злила и озадачивала Сакуту.

Шрамы на груди появились в знак его сожалений и несостоятельности после того, как два года назад он не смог спасти Каэдэ. Он всегда думал, что подростковый синдром возник, чтобы наказать его за провал в спасении сестры.

— Так почему сейчас?

Он не знал.

Происходящее в больнице не имело никакого отношения к Каэдэ. Приступ Сёко, безусловно, был неожиданностью, но... он же знал, что она выживет. Большая Сёко рассказала ему, что уготовила судьба. В любом случае, еще слишком рано о чем-то жалеть.

Итак...

— Почему?

Он не понимал.

Но боль ему кое-что подсказывала.

Может, он сильно ошибался.

Может, шрамы на груди означали нечто другое.

С этой мыслью в задворках разума сознание Сакуты угасло, и мир погрузился во тьму.

Часть 5

Вдали слышался прибой.

Звук приблизился, подходя к его ногам, будто сам океан заполнял тело Сакуты.

Волны накатывали в нескольких сантиметрах от его пальцев и уходили обратно.

Когда наконец пришло осознание, на что он смотрит, Сакута понял, что стоит на пляже.

Знакомые пейзажи Шичиригахамы. Силуэт Эносимы на фоне красного заката. Приятный бриз. Удивительно громкий прибой. Все это ощущалось невероятно реально.

Но это был сон.

Почему-то он знал об этом.

Теперь подобные сны снились ему нечасто. Сны о том, что было два года назад, когда он встретил старшекласницу Сёко.

Это был один из них. В подтверждение этого он слышал ее голос.

— Хочешь, поцелуемся?

Большая Сёко стояла в трех шагах от него. В форме Минегахары, как и было два года назад. Маленькая Сёко, но в старшей школе.

— Нет, спасибо, — кратко ответил он.

— Не волнуйся: я почистила зубы.

— В начальной школе меня учили не целоваться с незнакомцами.

— А меня не учили.

— Да, меня тоже.

— Хе-хе-хе, а почему тогда сказал, что учили?

Они вместе посмеялись.

— Однако, Сакута...

— Что?

— Это из-за меня твое сердце так забилося?

Она победно улыбалась, наслаждаясь муками Сакуты из средней школы.

— От этого у меня раны на груди пульсируют, так что сильно меня не волнуй.

— Ты взволнован, потому что незнакомка предложила поцеловаться?

— ...

— Это немного странно.

Сёко слегка наклонилась и теперь смотрела на него снизу вверх. Ветер подхватил ее волосы и раскидал по плечам.

— Обычная мужская реакция.

— И это все?

Она была очень настойчива.

— Это все.

— Тем не менее ты каждый день приходишь меня увидеть.

— Я прихожу увидеть океан.

— А?

— К чему ты ведешь?

— Я хочу, чтобы ты сказала это.

— ...

— Ладно, хорошо, — ответила она, показывая язык. — Я тоже, — добавила Сёко, будто это было что-то важное.

— Ты тоже что?

— Взволнована, потому что я с тобой.

Судя по озорной улыбке, она прекрасно понимала, что делает, но сердце Сакуты все еще выпрыгивало из груди.

— Серьезно, ты хочешь, чтобы у меня заболели раны? Если из них они опять пойдет кровь, я не смогу это никому объяснить. В этом и проблема.

Для надежности он заглянул себе под рубашку. На предательских бороздах ран все еще были струпья: они заживали. Они были красного цвета, но не кровоточили.

— С тобой все в порядке.

— ...

Откуда ей знать? Он чуть ей не нагрубил. Но не мог. В ее голосе однозначно чувствовалась забота. Она пыталась его успокоить. И говорила необычно уверенно. По крайней мере, Сёко верила, что с ним все хорошо. Иначе она бы так не сказала.

— Ты поправишься.

Ее голос раздался у Сакуты прямо под ухом, согревая теплом все его тело.

— Да, в смысле... в конечном итоге.

В противном случае было бы ужасно. Но Сёко качнула головой. Дважды, спокойно.

— Раны у тебя на сердце и на груди? Я исцелю и те, и другие.

Ее улыбка была ну очень нежной. Все равно, что купаться в лучах весеннего солнца.

Он понял, что пялится, и смущенно отвел взгляд.

— Что это вообще значит? — пробормотал он.

Он не заметил.

— С тобой все будет хорошо. Я буду рядом.

Эта фраза очень походила на то, что Сёко говорила ранее, и Сакута не понял, что она имела в виду.

Он сосредоточился на том, чтобы успокоить стучащее сердце. Цепляясь за жизнь и пытаясь замедлить пульс.

Когда он открыл глаза, на него невозмутимо смотрел белый потолок.

Длинные люминесцентные лампы.

Как только он убедился, что не спит и лежит на больничной койке, в груди запульсировала боль. Он взглянул вниз и увидел, что весь перевязан бинтами.

Он вспомнил, как потерял сознание. Сакута свалился от боли в коридоре и потом оказался здесь.

— Сакута, — послышался голос. К кровати со стороны наклонилась Сёко. Большая Сёко. В очках и вязаной шапке. Сакута поразительно хорошо соображал и сразу понял, что так она замаскировалась, чтобы пробраться в больницу незамеченной.

— Ты в больнице. Помнишь?

— ...Ага.

— Мне позвонили и сказали, что ты вдруг упал... Ну и напугал же ты меня.

— ...

Она была обеспокоена, но он смотрел на нее и молчал.

— Сакута?

Он потянулся к бинтам на груди.

— Мне снился сон.

— Правда?

— О том, что было два года назад.

— ...

— Примерно когда я тебя впервые встретил.

— А-а-а...

— То же происходило и тогда.

— ...

— У меня открылись раны на груди, и...

Сакута старательно подбирал слова, мысли путались, но он был странно уверен, что приближается к ответу.

Он что-то понял, но еще не осознал этого. Но он прислушивался к своему телу. Все это время он считал, что раны появились из-за травли Каэдэ и его сожалений, что он ее не защитил – наказание самому себе за неспособность действовать. Временные линии прояснились, и он лишь убедился в своем безумии. Не было ничего, что опровергнуло бы эту теорию. Это объяснение казалось наиболее правдивым.

Но оно не объясняло перемен, произошедших в нем за последние несколько дней. Естественно, ухудшение в состоянии Сёко отразилось на нем, но он же знал, что с ней все будет в порядке. Так почему раны опять открылись?

Он встретил Сёко два года назад, вскоре после того, как они появились впервые.

Двумя годами позже, когда он горевал по ушедшей Каэдэ, они открылись снова. Конечно, это, скорее всего, было всего лишь совпадением. Кого же он встретил мгновение спустя?

— ...

Женщину, что с теплотой глядела на него.

Сакута был уверен: подходит только этот ответ. Тело кричало ему об этом. Его пульс вопил.

Поэтому он говорил без удивления, смущения, страха, тревоги или малейшей тени надежды.

— Это мое сердце у тебя внутри, да?

— ...

Сёко медленно закрыла глаза. И затем легонько кивнула в знак подтверждения.

— Я знала, что ты поймешь, — сказала она. Она приложила руки к груди. — Ты подарил мне будущее.

Глаза у нее блестели. Довольно противоречивые эмоции. С одной стороны, благодарность, с другой, горе и печаль. И эти чувства переплетались, поэтому нельзя было сказать, где одно переходит в другое.

— ...

— ...

Никто из них не знал, что говорить дальше.

Из коридора слышался шум.

— ?..

Они повернулись к двери.

— Ой... — произнес Сакута.

Там стояла Май. Белая как лист.

— Что это значит? — спросила она дрожащим голосом.

Ее слова раздались в палате тихим эхом.

<http://tl.rulate.ru/book/20190/1998653>